

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

*Как научиться так собой владеть,
как одолеть весь холод напряженья,
чтоб видеть впереди сквозь страх и смерть
не гибель, а надежду на спасенье.*

Светлана Тимофеева

Страницы документов, дневников, писем, кадры кинохроники, на которых нашли свое отражение события жутких месяцев блокадной зимы 1941–1942 гг., порой невольно могут создавать впечатление свыкания человека с мыслью о неизбежности близкой смерти или даже нескрываемого желания таковой, стирания эмоциональных сопереживаний, расцвета эгоистических проявлений, т. е. всего того, что можно было бы назвать очерствением души. Согласиться с подобным заключением не позволяют не только сомнения в глубине наших знаний об этом трагическом периоде в истории Ленинграда, но и тот действительно неоспоримый факт, что у каждого жителя осажденного города была своя блокада.

Об этом новая книга, подготовленная в рамках проекта «Ленинградская блокада без купюр и ретуши» и являющаяся продолжением публикации личных свидетельств о жизни ленинградцев в годы войны*. Как и в предыдущий сборник, составители сочли уместным включить в данное издание один дневник — инженера 7-й ГЭС И.Д. Зеленской, и две стенограммы сообщений — директора филиала судостроительного завода им. Жданова (на территории Кировского района) П.И. Сеничева и заведующего военным отделом Володарского районного комитета ВКП(б) В.М. Пименова.

К публикации именно дневника Зеленской и указанных стенограмм сообщений нас побудил ряд обстоятельств, но прежде всего — обилие новых, ранее не известных фактов не только из повседневной жизни блокадников, но и жизни Ленинграда военного. Кроме того, публикуемые тексты исключительно интересны для понимания психологии человека и различных коллективов, оказавшихся в экстремальной ситуации.

Каждый дневник уникален. Неинтересных дневников не бывает, вне зависимости от того, кто бы ни был его автор по своему происхождению, социальному положению, менталитету. Если дневник кажется не заслуживающим внимания, стоит задуматься над тем, насколько ты внимательный читатель. Публикуемый в данной книге дневник И.Д. Зеленской — дневник исключительно интересный, не оставляющий никаких сомнений, что его автор действительно был готов «любую передрыгу встретить, как подбает настоящему человеку», который не принадлежал к тем людям, жизнен-

* См.: Человек в блокаде. Новые свидетельства / Сост. В.М. Ковальчук, А.И. Рупасов, А.Н. Чистиков. СПб.: Остров, 2008, 272 с.; «Доживем ли мы до тишины?»: Записки из блокадного Ленинграда / Сост. В.М. Ковальчук, А.И. Рупасов, А.Н. Чистиков. СПб.: Нестор-История, 2009, 243 с.

ная стратегия которых сводилась к тому, чтобы просто «забиться в угол». Оставленные Зеленской на страницах дневника результаты ее наблюдений и мысли отражают не только постоянно меняющийся вокруг нее мир, но становление духовно сильного человека.

Да, еще за два месяца до начала блокады, когда и представить себе было невозможно, что немецкие армии дойдут до Ленинграда, Ирина Дмитриевна Зеленская записывала в дневнике: «Между отдельными людьми звучат упреки, возникает антагонизм и до отвращения выпирают мелкие, тупые шкурные интересы <...> люди до ужаса стали неустойчивы». Однако сам дневник Зеленской является ярким свидетельством того, что «шкурные интересы» — отнюдь не исчерпывающая характеристика поведения доведенных до отчаяния людей. Стремление выжить далеко не всегда предполагало достижение этой цели любым путем и отказ в признании равноценности чужой жизни, не только своей собственной, но и жизни своих близких.

Не будем утверждать, что уже до войны Ирина Дмитриевна была предельно вдумчивым и целеустремленным человеком. Дневниковые записи скорее подтверждают другое — во многом именно «передряги» сделали ее таковым. Вместе с тем, в отличие от многих других опубликованных и неопубликованных дневников блокадников, записи Зеленской свидетельствуют о присущей ей склонности к анализу — поступков коллег по работе на электростанции, соседей по дому, действий городских властей. Впрочем, степень информирования властями населения была такова, что ничего кроме разочарования «поставляемая» ими информация вызывать у нее не могла: «...идет жадное вылавливание всяких слухов и рассказов. Пропускаешь их сквозь самую критическую призму — и в результате остаешься опять ни с чем, все болтовня <...> самый жестокий признак разобщенности между властями и массой я вижу в том, что до такой степени не доверяют народу, не рискуют сказать открыто хоть часть правды». Однако эта констатация разобщенности между властью и массой не вынуждает Зеленскую проходить мимо еще одного факта: «...масса превратилась в первобытное состояние и даже почти не борется, а безропотно погибает. Любопытно, что совершенно не слышно протестов, никто не ищет виновников этой пропасти».

Возьмем на себя смелость утверждать, что аналитические способности во многом позволили Ирине Дмитриевне пережить блокадные потрясения. Те наблюдения, которые она доверяла своему дневнику, поражают своим психологизмом: «Интересно наблюдать Платонова, недавно еще такого грубого и требовательного в столовой, а сейчас, после кражи у него всех карточек и документов, такого пришибленного, даже сгорбившегося, деликатно благодарящего за одинокую тарелку бескарточного супа <...> Дохлая рыба какая-то, кисель, а не люди».

Блокада пришла в жизнь этой 46-летней женщины, как и в жизнь всех ленинградцев, неожиданно. Все менялось к худшему с такой быстротой, что, казалось, в завтрашний день лучше не заглядывать. Однако как только подобная мысль закрадывалась в ее голову, она стремилась гнать ее прочь: «Это неверно я написала прошлый раз, что в завтрашний день загляды-

вать не хочется. Наоборот, любопытство к завтрашнему дню — это один из поддерживающих меня стимулов к жизни». Она неизменно стремилась придерживаться принципа — «не прислушиваться к каждому минусу <...> особенно не жаловаться ни на что, ни себе, ни другим».

Для Ирины Дмитриевны наступившие военные будни изначально не сводились только лишь к созданию материальных резервов. Она подспудно сознавала, что ужас происходящего делает из нее иного человека. И у этого иного человека появлялись не только те качества, которыми следовало гордиться (например, смелость, готовность к самопожертвованию), но и те, которые его не красили, — спокойное отношение к уходу из жизни людей, ставших тебе дорогими (правда, в отличие от многих других блокадников для выработки столь отрешенного восприятия смерти Ирине Дмитриевне потребовалось больше времени). «Голос желудка», подавлявший сознание «даже у тех людей, от кого этого трудно было ожидать», так и не смог одержать над Ириной Дмитриевной полной победы. Хотя, как она признается в дневнике, и ее посещали «прямо бредовые мечтания, как у меня на глазах снаряд попадает в автомашину с хлебом, как разлетаются драгоценные буханки и одна попадает мне в руки — целая буханка!».

Безусловно, в самые тяжелые блокадные месяцы Зеленской в меньшей степени довелось испытать на себе не меньшую чем голод беду — холод. Работа на электростанции давала ей и тепло, и возможность помыться в душе (другим блокадникам пришлось дожидаться возможности побывать хотя бы в плохо натопленной бане не ранее марта 1942 г.). Однако видеть в этом главную причину того, что она пережила зиму 1941–1942 г., едва ли стоит. Смерть выкосила в ту зиму немало ее коллег по работе — треть. Кое-кто из работавших не выдерживал тяжелого физического труда и предпочитал бежать с электростанции: «Сегодня еще неожиданность — сбежали 6 человек каталей, по большей части молодые девчонки. Именно сбежали, не увольняясь, не эвакуируясь, просто собрали свои вещи и попутно порядочно чужих и смылись». Нашли ли беглянки лучшую долю, остается только догадываться.

Страницы дневника Зеленской полны тех деталей бытовой жизни, которых часто не хватает для воссоздания картин блокадной жизни. Например, про фронтовые 100 граммов водки известно всем, и только в этом дневнике мы находим упоминание о том, что и на некоторых производствах в начале 1942 г. «стали выдавать водку перед обедом». На электростанции — на подаче топлива котлам — вместе работали солдаты и заключенные. Объявления о дополнительных выдачах продуктов с неизбежностью сказывались на трудовой дисциплине, поскольку в очереди за дополнительными граммами мяса, масла и пр. приходилось выстаивать по 10–12 часов, за селедкой — часа четыре. Власти как-то не задумывались над тем, что ситуация в Ленинграде настолько трагична, что не стоило бы навязывать горожанам участия в принудительных денежно-вещевых лотереях. Не раз писалось о том, как продавцы обвешивали в магазинах, отрезали лишние талоны от карточек. Вероятно, стоит при этом принимать во внимание не только корысть тор-

гующих: «В магазинах жуткая тьма. Работают при свете 2–3 фонарей „Легучая мышь“, причем непонятно, как умудряются разбираться и продавцы, и покупатели в стрижке талонов, а уж рассмотреть, что продается и как вешается — совсем невозможно». Почти никто из авторов дневников или воспоминаний не упоминает и о такой детали: постоянные нападения на продуктовые магазины привели к тому, что в булочных были установлены милицейские и военные посты, хотя, вероятно, это было редким явлением. Хлеб в магазины подвозили не на машинах, а на саночках, в которые впрягались изможденные люди.

Поражают описания Зеленской стационара, целью создания которого было спасение наиболее обессилевших людей. Ирина Дмитриевна, неоднократно сталкивавшаяся с результатами работы стационара, оказалась убежденной в том, что не один человек после пребывания в этом заведении покидает мир сей. «Неприятные чувства и мысли вызывает зрелище на их (больничных. — *Сост.*) столиках — нетронутые ломти белого хлеба с маслом, куски масла, россыпи сахара. Умиравших это не спасает, а здоровым мучительно на это смотреть». При этом ей самой крайне неприятна закрадывающаяся в голову мысль, что «надо поддерживать тех, кто еще жизнеспособен, а не кормить в ущерб им погибающих», и она в дневнике одергивает себя: «Это рассуждение приемлемо, пока сама здорова, не споткнулась и не свалилась».

Неоднократно Зеленская возвращалась к мучившему ее вопросу: что помогает выживать? Один из ответов, который ей напрашивался, был предельно циничен: как только ты позволяешь себе увидеть все безумие и жестокость существования, то «эту приоткрывшуюся дверь к правде мгновенно захлопываешь и еще нажимаешь на нее всеми силами, чтобы пореже распахивалась, иначе не выдержать. Мы сильны только своей забронированностью и бесчувственностью». Те несколько эпизодов из своей работы в райкоме партии, когда ее обязанностью было оказание помощи нуждающимся, свидетельствуют, однако, что «забронированность и бесчувственность» так и не стали присущими ей чертами. Сопереживание и неготовность, а стремление помочь, как нам представляется, и помогли ей и встречавшимся с нею многим людям пережить блокаду.

Публикуемые стенограммы сообщений В.М. Пименова и П.И. Сеничева представляют собой особый вид исторических источников. Это своего рода воспоминания на заданную тему. Однако сам процесс создания таких сообщений, судя по всему, был ограничен по времени, а если учесть, что ни Пименов, ни Сеничев определенно не обладали навыками литературного, пространного изложения своих мыслей, то фактически мы имеем дело со своеобразными и отредактированными интервью, из записей которых удалены наводящие вопросы сотрудника (или сотрудников) Ленинградского института истории ВКП(б)*. Более заметно это при анализе структуры сте-

* Подробнее об этой работе сотрудников Ленинградского института истории ВКП(б) см.: Оборона Ленинграда. 1941–1944. Воспоминания и дневники участников. Л., 1968. С. 22–23.

нограммы сообщения Сеничева. В некоторых случаях он явно повторяет услышанный вопрос: «Почему мы подвергались сильному артиллерийскому обстрелу?». Сеничеву определенно легче рассказывать в 1943 г. не о событиях 1941–1942 гг., а именно о 1943 г., т. е. о событиях тех последних недель и дней, которые предшествовали записанной беседе.

Сообщение Пименова интересно прежде всего уже тем, что практически не сохранилось пространных свидетельств о деятельности военных отделов райкомов партии. Его рассказ можно разделить на три тематических блока. Первый — повествование о первых днях и неделях после объявления войны. Он приводит любопытный факт проверки всего автотранспорта на случай его мобилизации за три недели до войны. Довольно подробный рассказ о мобилизации в армию и работе призывных пунктов разительно отличается от того, как обычно об этом упоминают мемуаристы и историки.

Второй блок сообщения Пименова посвящен организации различных подразделений для защиты города и страны. Пименов довольно объективно выделяет положительные и отрицательные стороны создания народного ополчения. В качестве примера ему служила формировавшаяся в его районе Володарская дивизия. Несмотря на краткость, интересен его рассказ об образовании партизанских отрядов, истребительных батальонов, о партийной мобилизации, о рабочих батальонах, их вооружении и планах действия. Хотя работа возглавлявшегося им подразделения МПВО в этой стенограмме представлена конспективно (в отличие от стенограммы сообщения Сеничева), однако отражены фактически все стороны деятельности этой структуры гражданской обороны: от МПВО района до групп самозащиты.

И наконец третий блок, который касается работы, связанной с помощью семьям военнослужащих, оказываемой с 1943 г. Восприятие текста отчасти затруднено обилием статистики. Рассказчик дотошно перечисляет, сколько метров площади было отремонтировано семьям военнослужащих, сколько им привезли кубометров дров, сколько выплатили денег в виде пособий и т. п. (можно предположить, что Пименов не забыл захватить с собой на беседу соответствующую справку).

При чтении стенограммы сообщения Сеничева, записанного осенью 1943 г., т. е. еще в период блокады, обращает на себя внимание откровенность в оценках, которая в записанных позже сообщениях становится все менее резкой. «Говоря откровенно, эвакуация проходила довольно безалаберно, с нервозностью <...> Из-за этой нервозности, которая была со стороны Наркомата, мы до сих пор имеем такие результаты, что одна часть станка находится в Ташкенте, другие части этого же станка на Урале и т. д.», — так, например, оценивал Сеничев эвакуацию своего завода. Общеизвестно и понятно стремление блокадников добиться более высокой нормы пайка, т. е. получать, например, не карточку иждивенца, а рабочую карточку. Воспоминания и дневники блокадников буквально пестрят упоминаниями о том, как трудно было ее получить человеку, не занятому на производстве. Однако Сеничев, как о чем-то само собой разумеющемся, рассказывал применительно к периоду конца зимы – весны 1942 г.: «...многие рабочие тогда

приходили на завод только для того, чтобы получить карточку, другие присылали только с доверенностью кого-нибудь из дому, чтобы получить то, что им причитается на заводе». Сам факт, что дирекция завода изыскивала возможности выдавать рабочие карточки неспособным физически трудиться, ради того, чтобы на будущее сохранить рабочие кадры, весьма примечателен — не только как проявление заботы, но и как косвенное свидетельство оптимистического видения перспектив.

Некоторые детали сообщения Сеничева обращают на себя особое внимание. Высокая смертность среди рабочих и невозможность их погребения на кладбище в суровую зиму 1941–1942 г. побудила руководство завода организовать собственный морг. «Мы подбирали мертвых, помогали слабым. Подбирали мы не только рабочих своего завода, но по указанию горкома партии подбирали всех людей, которых находили на своей территории», — зафиксировала его слова стенографистка. Волей-неволей возникает вопрос: каким образом на заводской территории оказывались не работавшие на заводе люди? Что манило их на отдаленный участок Выборгской стороны? Возможность найти пропитание или что-то для обмена на продукты? Не могут не поражать современного читателя приводимые Сеничевым необычные стимулы к выполнению работы: «...за то, чтобы перенести снаряды, давался килограмм олифы или 100 гр. клея». Когда, по его словам, более или менее налажилось снабжение продовольствием и рабочим было категорически запрещено употреблять в пищу суррогаты, то этот запрет не выполнялся: «...рабочие настолько к ним привыкли, что остановить их было трудно». Повествование же о том, как рабочие завода привыкали к артиллерийским обстрелам, и насколько приобретенный ими опыт поведения при артобстрелах (недостающий, по мнению Сеничева, жителям центральных районов города) помогал им выжить, уникально по своему содержанию.

* * *

Машинописный экземпляр дневника, подписанный И.Д. Зеленской, сохранился в фонде воспоминаний Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб)*. Автор практически не внесла в этот текст никакой правки за исключением пунктуации и отдельных слов, не разобранных машинисткой при перепечатке. Анализ содержания дневника позволяет с большой долей уверенности утверждать, что он не подвергался позднейшей правке: имеется лишь одно предложение, вписанное спустя некоторое время, да небольшая часть текста по непонятной причине оказалась отнесенной к записи за другой день. Эти случаи оговорены составителями в примечаниях.

* В 2009 г. в Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Ф. 1273. Материалы о Великой Отечественной войне) была передана копия дневника И.Д. Зеленской (11 тетрадей), переписанного от руки, однако с многочисленными сокращениями, ее племянницей А.М. Древинг. (Составители благодарят И.М. Извекову, И.В. Кудряшова за эту информацию и М.К. Свиченскую за помощь в определении автора копии.)

Стенограммы сообщений П.И. Сеничева и В.М. Пименова печатаются по машинописным копиям, имеющимся в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории РАН. Аналогичный и также не подписанный автором экземпляр стенограммы Сеничева хранится в ЦГАИПД СПб, однако отложившийся здесь же экземпляр сообщения Пименова имеет авторскую подпись и ряд разночтений, которые составители указали в текстуальных примечаниях.

Дневник и стенограммы публикуются согласно правилам научного издания исторических источников. Явные опечатки исправлены без оговорок, однако лексические и стилистические особенности текстов дневника и сообщений сохранены. Пунктуация дана согласно современным требованиям русского языка. В квадратные скобки взяты раскрытые сокращения или иные уточнения. Угловыми скобками отмечены изъятые части предложений или отдельные предложения из дневника И.Д. Зеленской и стенограммы рассказа В.М. Пименова, составляющие врачебную тайну некоторых героев повествования. В одном случае по этическим причинам составители заменили полное написание фамилии инициалом, оговорив это в текстуальных примечаниях.

Перед публикацией каждого документа приведена краткая биографическая справка об авторе. Тексты дневника и стенограмм снабжены текстуальными примечаниями, которые расположены постранично, и краткими комментариями, объясняющими некоторые реалии жизни и деятельности ленинградцев военной, в том числе и блокадной, поры. Для большего удобства читателей в конце книги помещены список сокращений, именной и топонимический указатели.

* * *

Составители выражают искреннюю признательность Е.М. Балашову, А.И. Богомолу, Н.В. Быковой, И.М. Извековой, Э.Л. Коршунову, А.П. Крюковских, И.В. Кудряшову, Б.Н. Миронову, В.И. Поповой, О.Г. Прутт, В.Л. Пянкевичу, М.К. Свиченской, Н.В. Циплевой, С.В. Ярову за предоставленные материалы, советы, помощь и критические замечания, Г.П. Лебедевой за техническую помощь при подготовке рукописи к печати. Особая благодарность сотрудникам Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга, Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН, Российской национальной библиотеки, Библиотеки Российской академии наук, Библиотеки Санкт-Петербургского института истории РАН.

*В.М. Ковальчук, А.И. Рупасов, А.Н. Чистиков
Ноябрь 2009 г.*